

В свете творческой личности А. П. Чехова

УДК 821.161.3

Воробьёва Людмила Анатольевна

Литературный критик,
член Союза писателей Беларуси;
Республика Беларусь, Минск, e-mail: ludmila_v.minsk@mail.ru

ЧЕХОВ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ БЕЛАРУСИ. Статья вторая¹

В статье автором проводится мысль о взаимовлиянии творчества белорусских и русских писателей на основе прочного фундамента традиции реалистической литературы и, в частности, творчества А. П. Чехова. На примере творчества современного белорусского поэта и прозаика Генада Бадриевича Чарказяна продемонстрировано влияние традиции Чехова на литературу Беларуси. В исследовании подчёркнуто литературное родство в культурно-исторических традициях славянских литератур посредством продолжения в художественном творчестве писателей современности художественного знания и опыта А. П. Чехова.

Ключевые слова: современная литература, А. П. Чехов, Г. Б. Чаркизян, реалистическая традиция, литературно-художественная традиция Беларуси.

Liudmila A. Varabyova

Literary critic,
member of Belarusian writer's Union;
Republic of Belarus, Minsk

CHEKHOV AND MODERN LITERARY AND ARTISTIC TRADITION OF BELARUS. Article 2

¹ Начало: Воробьёва, Л. А. Чехов и современная литературно-художественная традиция Беларуси. Статья первая // Гуманитарная парадигма. 2020. № 3 (14). С. 167–185.

Abstract. *In the article, the author proposes an idea of the mutual influence of the works of Belarusian and Russian writers on the basis of a solid foundation of the tradition of realistic literature and, in particular, the work of A.P. Chekhov. By the example of the work of the modern Belarusian poet and prose writer Genad Badrievich Charkazyan, the influence of Chekhov's tradition on the literature of Belarus is demonstrated. The study emphasizes literary kinship in the cultural and historical traditions of Slavic literatures through the continuation of the artistic knowledge and experience of A.P. Chekhov in the artistic work of modern writers.*

Key words: *modern literature, A. P. Chekhov, G. B. Charkizyan, realistic tradition, literary and artistic tradition of Belarus.*

Для цитирования:

Воробьёва Л. А. Чехов и современная литературно-художественная традиция Беларуси. Статья вторая // Гуманитарная парадигма. 2020. № 4 (15). С. 51–64.

«Береги себя человек...»

Мир изменяют только любовь,
Время, терпение труд.
Ганад Чарказян

Творчество писателя Ганада Чарказяна, для которого Беларусь стала второй Родиной, его по-настоящему счастливым домом, реализует неуловимые грани бытия, особенности видения мира и людей свой неповторимые жизненный материал этого художника. Ганад Бадриевич — автор многочисленных книг: «Прочность», «Цвет доброты», «Пространство и время», «Горький запах полыни», «Белая вежа», «Мир под крылом» — поэзии, прозы и книг для детей, из них самые значимые и востребованные читателем. Произведения прозаика и поэта содержат непреходящие нравственные ценности: правду, справедливость, добро, совесть, красоту, способность противостоять силам зла и тьмы. При всей мощной мифологической и притчевой составляющей, элементах фантазии и сказочности, характерной для восточной мудрости, он творит в русле сугубо реалистических традиций. Литература реализма являет в себе всю смысловую вертикаль — от идеи человека до бытийной практики. Эта идея по-прежнему притягательна для всего мира — в центре её человек, личность, укореняющая память традиций.

Сегодня мы наблюдаем прорыв публицистики, её влияние на все жанры без исключения, что не может не сказаться и на новой степени авторской

свободы — стилистической. Нам никуда не уйти от ига масскультуры, когда появляются далеко не лучшие образцы беллетристики, чего нельзя было сказать о чеховских временах, где превалировал избирательный критический подход, из пёстрого литературного потока читателю предлагались лишь произведения заметные, талантливо написанные. Г. Чарказян — великолепный мастер короткой прозы, лаконичной и умной, тщательно продуманной, наполненной добром и радостью жизни, той самой жизнью, которую, по словам Чехова, дано «обустроить» человеку. Г. Чарказян, обладая удивительной восточной щедростью души, и обустроивает жизнь на земле: по профессии он строитель, но не будем забывать и о том, как высказался в своё время Ю. Олеся, что и «писатели — инженеры человеческих душ». Правда, наша эпоха это понятие стала активно отвергать, но к Г. Чарказяну я бы с полной уверенностью его отнесла. «Образы и мысли Чарказяна хорошо и согласно кладутся на душу, легко, без усилий доходят до современного сознания. <...> И в этом, по-моему, истинный универсализм его поэзии и прозы, основанный на определённой традиции и определённой национальной культуре», — писал о нём известный писатель В. Быков [Цит. по: 2]. Г. Чарказян, так же, как и Чехов, не поражает читателя невероятным сюжетом, броским и ярким внешним рисунком. Он создаёт образы через мысли и чувства.

Г. Чарказян ненавязчиво предлагает своему читателю жить сообразно собственному выбору. В его рассказе «Разбитый кувшин» проживший долгую и непростую жизнь, умудрённый опытом старый человек ведёт разговор с внуком. В их подчас непрехотливой, пусть в чём-то даже наивной, беседе раскрывается простая и очевидная мудрость жизни. Он смог сохранить в себе память детства, чистоту мыслей. Это ли не подлинное богатство? «Зависть — самое последнее чувство. Никто никому не может завидовать. У каждого всё своё», — говорит дед внуку. «Человек должен заботиться о красоте, о вечном», — понял он и другую, не менее важную истину бытия, немало повидав на своём веку. И «богатство — только тогда богатство, когда оно служит всем людям, а не только тем, кто его собрал», — в этой отдельной истории судьбы, так похожей на сказку или притчу, высвечиваются, что не исключено, и параллели истории личной судьбы самого автора. А в мини-рассказе «Радуйся за человека» писатель откровенно порицает зависть, которую расценивает равносильно злу. «Радоваться за человека можно всегда, а завидовать — некогда», — уверен автор.

В таком контексте не менее любопытны и точки соприкосновения с чеховским рассказом «Сапожник и нечистая сила», тоже во многом сказочно-загадочном. Сапожнику Фёдору открывается эта загадка жизни, но, правда, не

сразу. Мешала ему неуёмная зависть к чужому богатству, потому как страстно хотелось стать богатым. Но даже исполняясь, не всегда наши желания приносят счастье. Нечистая сила начала вершить судьбу сапожника. Смешались и явь, и сон, и быль, и небыль. Что же случилось с Фёдором, что это — наваждение, а может, реальность? Только понял сапожник одно, что душу нельзя отдавать за деньги, не стоят они этого: «...Фёдор уже не завидовал и не роптал на свою судьбу. Теперь ему казалось, что богатым и бедным одинаково дурно. <...> всех ждёт одно и то же, одна могила, и в жизни нет ничего такого, за что бы можно было отдать нечистому хотя бы малую часть своей души». Зависть, как и богатство, которое не только благо, не приносят счастья. По сути, все люди глубоко в душе несчастны и всем в этом мире жить сложно: и богатым, и бедным.

Тема человеческой судьбы — ведущая в творчестве Г. Чарказяна, она постоянно его занимает, так как связана прежде всего с предназначением человека, с его земным трудом. «Г. Чарказян пишет о главном — о том, что всегда волновало и волнует людей труда», — отмечал и белорусский народный поэт Петрусь Бровка [3]. Каждый человек должен оставить после себя свой след на земле. И Г. Чарказян проникновенно рассказывает нам в своих произведениях о человеческой душе, и не столько о радостях, сколько о страданиях человека, о его «хождениях по мукам», о его душевной боли, о покаянии и грехе. Так в поучительном рассказе «Ягнёнок» ставится вполне закономерный вопрос: кто хозяин, а кто слуга своей судьбы? Весьма необычна интерпретация данного повествования, когда главные действующие лица — животные, оригинально транслирующие словно позаимствованные у человека образы и мысли. Овечка-мать размышляет о судьбе и напутствует маленького ягнёнка, несмышлёныша-сына, решившего, вопреки законам стада, которым управляет умный пастух, себя утвердить. «Он ещё не понимал, что ничего в жизни просто так не даётся. За каждым делом стоит труд. И что каждый труд заслуживает, по меньшей мере, благодарности», — говорится в рассказе. Чтобы управлять своей судьбой, необходимо стать не только сильным и независимым, но и научиться ценить других. В рассказе логично прослеживается цепочка связей и событий, происходящих вокруг и сплетающихся единый узор судьбы. «Одно событие цепляется за другое, всё связано со всем, так что надо хорошо подумать, чтобы иметь право что-то сказать», — объясняет мать сыну смысл настоящего, чтобы он уяснил для себя главное: «кто-то в жизни пастух, а кто-то ягнёнок в стаде». Автор подводит читателя к очевидным истинам, которые всегда нами усваиваются сложнее всего и не сразу. А мудрость такова, что «каждый — в стаде или вне стада — должен заниматься своим делом». Ничего другого придумывать не стоит.

Надо принимать мир таким, какой он есть на самом деле, без иллюзий и претензий, не ждать милости от судьбы, а творить её самому. Именно в этом большая убедительная сила Г. Чарказяна как художника-философа. Он, подобно Чехову, не стремится к открытой сюжетности, ведь вся прелесть и ценность в скрытом подтексте.

Тайна человеческой судьбы, мир переживаний героев, чего-то ждущих от неё и считающих, что она что-то должна им, неожиданно приоткрывается и в чеховском рассказе «Ванька» (1884), малоизвестном на фоне хрестоматийного «Ваньки» (1886) о несчастном мальчике, который накануне Рождества пишет письмо бабушке, совсем не представляя, что оно никогда не дойдёт. Другой «Ванька» — рассказ о метаморфозах судьбы, этой основной темы писателя, которую он трактует всегда по-разному, постоянно раздумывая о том, что лежит в основе счастливой судьбы одного и несчастной доли другого человека. Курьёзная история — Петруха-извозчик, коих в те времена называли «ваньками», везёт Ивана Котлова из ресторана, богатого коммерции советника, совершенно не подозревая, что он и есть его родной дядя, попутно рассказывая ему свою историю. И из неё следует, что собственный дядя его разорил, украл деньги, которые причитались ему, крестьянскому сыну, в наследство и были обещаны на будущую безбедную жизнь. Именно Котлов, седок, и является виновником горя Петрухи, но он не раскрывает своего подлинного лица. Диалог извозчика звучит как монолог и повисает в воздухе. Кто же из них прав? Извечный нравственный выбор, как вершится судьба и кто должен её вершить? Она властвует над человеком или он может всё в одночасье изменить, переиграть в своей судьбе? Котлов тоже крестьянский сын, однако смог стать богатым, успешным. Петруха же ждёт помощи от всех, и в первую очередь от судьбы, без конца сетуя на неё. И дело по Чехову не в происхождении, а в том, какую роль мы выбираем себе в жизни. Или нам она уготована судьбой? Чехов говорит нам, что человек должен бороться, трудиться, что жизнь справедливо и заслуженно расставляет всех по своим местам. Эта чеховская философия в корне отличалась от философии моралиста Л. Толстого. Чехов и сам бросил вызов судьбе, высшим силам, которые наверняка и ему, не дворянину, а бедному представителю мелких лавочников и внуку крепостного, готовили совсем иную участь. Наперекор судьбе он стал учиться на врача, стал писать и печататься.

Интерес к жизни «маленького человека», длинный ряд чеховских неудачников находит продолжение и в творчестве Г. Чарказяна. Развитие чеховской темы судьбы, тесно соприкасающейся и с судьбой денег, можно проследить в его небольших лирико-прозаических произведениях, где чётко

обозначается извечная моральная дилемма: деньги — совесть, зло — нравственная чистота. «Казалось, что люди бросили все свои привычные занятия и занимались только торговлей. Торговали, кто чем мог», — пишет он в рассказе «Торгаш», приходя к выводу, что одни лишь деньги не могут заменить человеку совесть. В другом рассказе «Посредник» речь идёт не только о нищете и богатстве, но и о том, что значат материальные ценности в судьбе отдельного человека, какое влияние они оказывают на его душу, на окружающий мир. Автор с горечью замечает: «Нет ненависти к богатому, если он это богатствочестно заработал. Сначала обмани ближнего, а если сможешь — то и дальнего. Вот сегодняшняя мораль. Всё продаётся и покупается самым бессовестным образом. Подонки жируют, а честные люди боятся сказать им, что они подонки». Чехов тоже писал о том, что «никогда не бывает абсолютного равенства и полной справедливости». Ещё более откровенные и пронзительные выводы делает Г. Чарказян и в рассказе «Взятка», призывая людей «не потерять облик человеческий». Чего же конкретно не хватает на всем? «<...> как можно создать на огромной и свободной планете условия, когда добрая половина человечества остаётся в рамках нищеты и голода, болезней и несправедливости, и ничтожные годы отпущенной Богом жизни превращает в ад... Такая короткая жизнь, и такая горькая трудная дорога... где сильный толкает на обочину слабого, бедного, больного», — читаем мы наболевшие авторские мысли, которые не могут никого оставить равнодушными. Как выстоять человеку в этом рационалистическом мире, не озлобиться и жить дальше?

Болезни общества видел и Чехов. Он как большой художник не мог пройти мимо того множества вещей и деталей, которые и составляют судьбу человека. Разумеется, тональность авторская разная, если сравнивать рассказы Чарказяна и Чехова, а суть одна. «Очень зоркие глаза дал ему Бог», — писал о А. Чехове И. Бунин. «Чехов ничего не объяснял: смотрел и видел», — адекватно оценивал его и А. Белый. К примеру, в рассказе «Пари» Чехов находит оригинальное идейно-художественное решение темы судьбы и переносит центр тяжести повествования в русло психологических переживаний героев. Итак, банкир и юрист в итоге возникшего между ними спора, что же из двух: смертная казнь хуже или лучше пожизненного заключения, совершают пари: 15 лет провести в каземате и получить два миллиона. Со стороны банкира это была прихоть, как он считал, а со стороны юриста — «простая алчность к деньгам...». Остров — флигель — тюрьма для героя, но и надежда, где он наконец в одиночестве, прочитав массу книг, познаёт мир и приходит к прозрению, что человечество идёт «не по той дороге». «Ложь принимаете вы за правду и безобразие за красоту», — говорил

добровольный узник в письме, отказываясь от обещанных ему по истечении пятнадцатилетнего срока двух миллионов, о которых когда-то так страстно мечтал, а нынче откровенно презирает и эти деньги, и само общество. Превратности судьбы и никак иначе. Теперь о деньгах мечтает банкир, живя в унижительном страхе разорения, полного финансового краха в результате обещанной выплаты. Он жаждет смерти юриста и почти готов пойти на преступление, что даст возможность избавиться от условий проклятого пари! Но узник сам тайно покидает флигель накануне истёкшего срока и тем самым нарушает договор. Что же происходит с душой и совестью банкира? Презрение к самому себе.

Судьба женщины и судьба денег описана в рассказе Чехова «Бабье царство». В повествовании всё сосредоточено вокруг денег. Может ли измениться природа человека, его натура, жаждущая богатства и власти? Авторский социально-психологический анализ человеческих отношений проходит проверку деньгами. Но Чехов только художник, он вовсе не старается быть докучливым моралистом. Анна Акимовна, хозяйка завода, не знает, кому отдать деньги, которые, по сути, ей не нужны. На какие благотворительные цели и кому важнее эта неожиданная помощь? Деньги у Чехова — часть жизни, обиход, её проза, но и без них нельзя человеку. Он понимает, что справедливость не всегда в жизни норма, так или иначе, но хозяйка завода, будучи женщиной с неустроенной судьбой, несмотря на свои богатства, отдаёт деньги тому, кто, вероятно, не особо в них и нуждается. Каприз судьбы или прихоть? Скука, стыд, мечты о счастье терзали её, а она сама, её безрадостная женская судьба были в жёсткой зависимости от судьбы денег.

Примечательно, что и в творчестве Г. Чарказяна значительное место занимает тема формирования личности, её духовного роста, тема гуманности, когда высвечивается нравственная позиция героя — способность изменить себя, обрести красоту души. В нём живёт генная память человеческой судьбы, и всегда звучит мотив родового очага, дома, где тебя ждут и любят. Как был убеждён Ю. М. Лотман, «история проходит через дом человека, через его частную жизнь» [4]. Но и тут велики роль и значение судьбы. У Чарказяна взгляд на судьбу отличается от взгляда Чехова, который в этом вопросе отдавал первенство самому человеку, его воле и желанию. «Ещё в стародавние времена люди знали, что человеческая судьба не зависит от его, человека, желания. Что всё, происходящее вокруг человека, каким-то таинственным образом заложено в нём и никуда от этого не спрятаться», — пишет он в рассказе «Генная память». Однако есть и противоречие: Селим, герой этого повествования, смог, вопреки судьбе, разлучившей его с семьёй, пронести

память древа своего рода и сохранить в своём сердце. Значит, не всё зависит только от судьбы.

Автор не боится быть гражданином мира, нести ответственность за свои поступки, равно как и за мысли, что привносят в его произведения не сиюминутное, мимолётное, а непреходящие, общечеловеческие понятия и устои. В новеллах «Соблазн» и «Три желания» он обращается к категориям добра и зла. Главный герой этих повествований — старый Карахан, обычный сельский житель, накрепко привязанный к земле. Автор словно открывает нам свою литературу милосердия, когда нужно любить, прежде всего, человека слабого, обездоленного и даже оступившегося. Поражает душа Карахана, откликающаяся на всё живое: «Он воспринимал деревья как живые существа. Всегда радовался, когда они весной распускались, цвели, потом появлялись плоды». Не так ли и Чехов любил свой сад, призывал каждого облагородить хотя бы небольшой кусочек земли, чтобы она вся превратилась в цветущий огромный сад?! Поэтому «всё просто и понятно» в размеренной жизни и героя Чарказяна. Но почему для других эти самые простые вещи становятся одновременно и самыми трудновыполнимыми? Однозначного ответа нет. Главное — «не стать носителем зла...». «Лучше сделай добро. Чем больше, тем лучше», — советует мудрый старик незнакомому мужчине, который хочет после всего плохого, что он совершил, изменить свою жизнь. «Он уходил, а Карахан смотрел ему вслед и думал, что незнакомец похож на прошлогодний фрукт, который чудом сохранился на макушке дерева. Он ещё не упал и надеется на что-то... Боже, почему люди не берегут себя и легко сдаются бурному потоку соблазна и пустых надежд?..» — новелла завершается постановкой чеховского вопроса о судьбе человека, а также о его воле, характере, что способны противостоять судьбе. Мы убеждаемся, что нельзя полагаться только на судьбу. Автор подходит к осмыслению действительности с тонким психологизмом, присущим и его героям. Судьба виновата или всё же сам человек? — задумывается читатель вместе с автором и героем новеллы.

Старый Карахан никогда не сосредотачивался на себе, помогал ближним, заботился о своём саде, освоих животных. К его судьбе были «привязаны и судьбы людей, птиц, которых он кормил, животных, с которыми он разговаривал в надежде, что они понимают его... Это был особый мир человека, который видел цель своей жизни в служении другим. В приумножении добра на Земле...». Автор использует традиционный элемент сказки, когда заболевшему старику, снится сон, в котором ему некий незнакомец предлагает исполнить три просьбы. Заметим, сон многое означает и в судьбе чеховских персонажей. Карахан даже во сне ничего не попросил для себя лично, хотя чувствовал рядом дыхание смерти. Только у него в

отличие от некоторых чеховских героев не было ни равнодушия к жизни, ни любопытства к смерти. Реальность и сон будто сливаются. Если человек не безразличен к чужой судьбе, если ему есть «дело до чужой беды и радости», — то зачем умирать?! Своеобразная цепочка человеческих связей, жизней и судеб логически вписывается в бытие Карахана, не требующего личного счастья, а творящего добро. Афористичность философской строки Чарказяна проникнута мыслью о человеке, его душе, которая должна быть открыта миру и добру. Да, красота необходима, но она нерукотворна, лишь добро есть дело рук человека.

Вспомним, по-особенному выделял в людях всё лучшее, что у них было, и Чехов. Он обладал умением чувствовать за другого человека. Его в нём привлекали мягкость и сила характера, но сила, направленная не на подчинение себе чьей-то воли, а на работу над самим собой. «Русский человек обладает особенно чутким различием добра и зла, он зорко подмечает несовершенство наших поступков, нравов и учреждений, никогда не удовлетворяясь ими и не переставая искать совершенного добра», — писал в книге «Условие абсолютного добра» философ Н. Лосский [5]. Н. Бердяев, размышляя о судьбе России, говорил о том, что русский человек ищет не счастья, а правды. На поиски счастья отправляются и чеховские герои в рассказе «Счастье» (1887). Судьба и счастье — два мифологических символа, образующих смысловой центр художественного мира Чехова. Южнорусская степь, звёздная летняя ночь, огромное овечье стадо и три человека, напряжённо думающие о счастье, о судьбе, о непостижимости земного пути. Как же найти его, это загадочное счастье, которое никому просто так в руки не даётся? Один из героев рассказа Пантелей, слушая старика, которому мерещились заговорённые клады и зарытые в земле богатства, нереальные миражи, высказал в одной фразе весь философско-поэтический итог рассказа: «...Есть счастье, да нет ума искать его». Чехов понимал, что нет и не может быть такого счастья в реальной жизни, но есть созидательная энергия труда, сила духа самого человека добыть это великое счастье для будущих поколений. Не надо ждать счастья, как делают герои, а надо просто делать добро. «Фантастичность и сказочность человеческого счастья», которые занимают в рассказе и третьего героя, ещё юного Саньку, тоже не могут заменить стремления к конкретной цели, к труду и созиданию.

Между тем, любопытно отметить ещё одну важную тенденцию: история литературы полна иронии, смеха. Комическое универсально. Художественной почвой, бытийной основой повествований Г. Чарказяна часто является пародия, представляющая удивительные образцы короткой прозы. Он, как и Чехов, рано столкнувшийся с несправедливостью жизни, хорошо понял две её

крайних полюса: трагичность и комичность. «Поэзия Г. Чарказяна привлекает оптимистическим мироощущением», — замечал белорусский поэт П. Бровка [Цит. по: 2]. Поэтика смешного у Чарказяна представляет колоритный комический ряд незабываемых персонажей. Он умеет писать понятно, предельно сокращая мысль, избегая пространных философствований. Например, всего лишь маленький образец его прозаических лаконизмов: «Сторож от безделия начал считать звёзды на небе. Когда дошёл до ста, он палкой очертил круг на небе и, довольный, сказал: «Вот уже и сотня» — это мини-рассказ «Интересное занятие». Подобная лапидарность стиля и полное отсутствие вычурности как таковой, вероятно, понравились бы и Чехову. Ведь не нами сказано: всё гениальное просто.

Чехов, так же как Достоевский, Салтыков-Щедрин, Гоголь совершает собственную попытку изучить экзистенциальную природу смеха в литературе. В письме к Л. А. Авиловой он советует писательнице: «Будьте веселы, смотрите на жизнь не так замысловато; вероятно, на самом деле, она гораздо проще». Но человек порой сам усложняет жизнь. И выглядит комично, когда кто-то хочет казаться умнее, чем есть, когда хочет поучать кого-то, не понимая сути вещей, как в рассказе Чехова «Умный дворник», который в чем-то похож на сторожа, изображённого Чарказяном, правда, человека уже новой эпохи и новой формации. Времена меняются, а нравы остаются прежними. «Посреди кухни стоял дворник Филипп и читал наставление. Его слушали лакеи, кучер, две горничные, повар, кухарка и два мальчика-поварёнка, его родные дети. Каждое утро он что-нибудь да проповедовал, в это же утро предметом речи его было просвещение», — выходит, и дворник Чехова маялся безделием, напрочь потеряв реальность, будучи и тогда, и сейчас так же смешон.

Заметим, что художественная малая проза Г. Чарказяна имеет своё особое своеобразие. Благодаря слиянию драматического, трагического и иронического, мир его персонажей можно увидеть и через призму чеховских сюжетов. Нередко на фоне динамичного сюжета у автора возникают и парадоксальные ситуации, что мы видим в рассказе «Трудный день моржа», где идёт речь о «создании живых существ». Впрочем, даже сам Создатель был не в силах проследить от начала и до конца столь ответственный процесс, «случались неувязки». Автор явно иронизирует, хотя делает это снисходительно, по-доброму: «...все были довольны, кроме человека. Разум его не мог смириться с неизбежной гибелью каждого индивида. Да, многовато мозгов отхватил он при делёжке. Видно, не ему они предназначались». В стиле и манере письма Чарказяна присутствует определённая недосказанность, оставляющая читателю право для домысливания и

фантазии. То же самое и у Чехова. Однако произведения их разные, несравнимы во многих отношениях и таланты, а говорят авторы очень часто об одном и том же и на одном понятном языке.

Чехов во многом парадоксален. Он никогда не навязывает своего мнения, не морализует, он только ищет истину. «Если хочешь стать оптимистом и понять жизнь, то перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай сам и вникай», — такие суждения, необходимые для понимания жизни и творчества, можно найти на страницах его «Записной книжки». У Чехова всегда две точки зрения: серьёзная и комическая. Притягателен его неиссякаемый юмор — светлый, беззаботный, где-то легкомысленный. Поэт Ю. Левитанский напишет: «Книжку выну. Не книжку чековую, / А хорошую книжку Чехова. / Чехов — мой любимый писатель. / Он весёлый очень писатель», — строфа из стихотворения «В Москве меня не прописывали...» [6]. Сколько естественной иронии, прощающей человеку все его слабости находим в замечательном рассказе Чехова «Ёлка», в котором «вечно зелёная ёлка судьбы увешана благами жизни...», дающая всегда надежду «на ёлку будущего года...». Умиляет и парадоксальность ситуации в рассказе «Невидимые миру слёзы», приоткрывающем тайну человеческих иллюзий и заблуждений. Не менее противоречива и история «Pagaavis» (редкая птица, лат.) — беседа сочинителя уголовных романов с полицейским сыщиком, когда без особого на то труда можно разыскать, кого угодно, где угодно, даже всех персонажей дна, но только не «идеально честных людей...» Или рассказ «Радость» о том, как коллежский регистратор Митя Кулдаров вдруг возомнил себя знаменитым, о нём напечатали в газете, и неважно, по какому поводу, что он, будучи пьян, стал основным виновником серьёзного дорожного происшествия. А в рассказе «Мечь» (1886), уточним, в том, где обманутый муж, желая отомстить сопернику, перехитрил самого себя и остался в дураках. Не будем забывать: юмор серьёзных писателей содержит критерии истинного и ценного, являя миру такой неповторимый смех, в котором столько же простодушия, сколько и природной мудрости.

Писатель всегда интересен многообразием читательских интерпретаций, проходящих во времени. Достоинство прозы — точность и краткость выраженной мысли. Иногда спектр двух разных писателей оказывается сходным, почти родственным. Интеллектуальная лапидарность и актуальность проблематики, обозначенная Г. Чарказяном, поразительна: «Можно написать очень много книг. Можно даже напечатать их. Вопрос-то в другом: нужны ли они кому-то, кроме тебя?» — буквально в двух предложениях он поднимает тему судьбы художника и значимости его произведений, ведь у книг, как и у людей, тоже есть своя судьба. Бессмертный

монолог Гамлета из шекспировской трагедии: «Быть или не быть, вот в чём вопрос», — заставляет в очередной раз задуматься, для чего и во имя чего творит писатель?

Не зря Чехов в качестве напутствия будущим литераторам делает им своеобразный «юбилейный подарок» — небольшой рассказ «Правила для начинающих авторов». «Не пиши! Не пиши! Не будь писателем!» — запоминаются категоричные строки, значит, труд этот таит определённую опасность как для самого пишущего, так и для общества, для читателя. С одной стороны, по словам Чехова, «стать писателем очень нетрудно». Действительно, писать можно при желании, что угодно и о чём угодно. Каждому писанию найдётся и соответствующий читатель. «Стать же писателем, которого печатают и читают, очень трудно. <...> Чем короче и реже ты пишешь, тем больше и чаще тебя печатают. Краткость вообще не портит дела», — и здесь масса сокровенных заповедей и тонкостей, которые необходимы для совершенствования литературного пера. Даже в ироничной форме Чехов весьма ярко и убедительно говорит о вещах серьёзных, принципиально значимых.

Мы часто навязываем людям своё представление в большинстве случаев убогое о таких сложных материях, как жизнь и душа, мир и Бог, смерть и бессмертие, любовь и бесконечность. Но люди это читают и всё ещё верят лукавому слову. Размышления о подлинных возвышенных гуманистических началах жизни крайне важно слышать из уст писателей совестливых, с трепетным и добрым сердцем, каким и обладает Г. Чарказян. В рассказе «Белая вежа» он задумывается о судьбе отдельного человека и целого народа, о свободе и мечте, о главном предназначении каждого на земле. А земля для всех одна — наш общий дом. Если бы только человек не забывал об этом! Хранил своё и уважал чужое, не гнался за крикливой модой. Впечатляет образ красивого и сильного человека с мифологическим именем Искандер, который ради блага своего народа возводит дамбу и строит Белую башню — символ мечты и счастья, чистоты и свободы, чем и вызывает недоумение и раздражение соседей. Он видит великую цель и вселяет веру, бросает судьбе вызов, создавая свою модель мира и тем самым доказывая своё право на обретение абсолюта-максимума. «...будущее за справедливыми разумным устройством общества. Сегодня мы делаем к этому будущему только первые шаги. <...> мы построим такой светлый город, где, не обижая друг друга, будут жить люди и машины, деревья и реки, звери и птицы. В этом городе каждому будет понятна тяжкая сладость труда. Никто не будет тратить ум и талант на деньги и власть. Там не будет чужого горя, а радость каждого, усиливаясь, как эхо в горах, будет обрушиваться на нас лавиной и уносить, как волна. Там

мужчины и женщины будут проходить по жизни в блеске молодости и красоты, расточая любовь, неиссякаемые запасы любви...» – настоящая поэтическая песнь, гимн торжеству жизни и любви звучит в рассказе. Этот светлый город мечты, где «широкие окна счастья» отразят весеннее солнце, будет достоин восхищения! Творить прекрасное человеку помогает любовь. «Мир должен дозреть до своей чистоты», – мудро думал Искандер, отвергая насилие и утверждая на земле добро и справедливость.

Стремление героев Г. Чарказяна построить город будущего, город счастья и мечты по законам правды и красоты, бесспорно, роднит их с персонажами Чехова. Русский классик мечтал о том, что грядущее должно быть прекрасно. Это помогало ему жить и творить, глядя на многие десятилетия вперёд. Не так ли мыслит и его герой Иван Великопольский в рассказе «Студент», что «правда и красота, направляющие человеческую жизнь» «всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле», что и придавало жизни высокий смысл?! Верой в лучшее завтра полны сердца и персонажей «Вишнёвого сада», а в заключительном акте пьесы «Дядя Ваня» пророческим смыслом наполнены слова Сони о том, что «надо жить!»: «Мы увидим небо в алмазах, мы увидим, как всё зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир...» – разве сегодня всё прогрессивное человечество не мечтает о том же?!

Нити судьбы таких разных персонажей, которых мы видим в творчестве Чарказяна и Чехова, удивительным образом сплетаются в узел общих переживаний, мучительных и долгих, но есть и надежда, что эти страдания обернутся радостью для будущих поколений. Человек должен вырваться из заколдованного круга, найти выход и обустроить жизнь. Глубокий реализм внутреннего мира героев, драматизм судьбы, но не безнадёжность, вера в жизнь, в человека – были и всегда останутся ключевыми и ведущими смыслами наших отечественных литератур.

Литература

1. Чарказян, Г. Б. Белая вежа: проза и поэзия. Минск, 2010. 463 с.
2. Саламаха, У. П. Сусвет дабрыні: эссе, артыкулы, дыялогі. Мн., 2005.
3. Камейша, К. Цвет доброты Г. Чарказяна. Страницы жизни и творчества. Минск, 2012.
4. История русской литературы XIX века. Вторая половина. М., 1987.
5. Философы и историки Лосские: диалог культур и цивилизаций. Минск : Право и экономика, 2017.

6. Соколов, А. Г. История русской литературы конца XIX – начала XX века. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2000.
7. Современная русская литература: 1990-е годы – начало XXI века: учебн. пособие. М., 2005.
8. Скафтымов, М. Е. Нравственные искания русских писателей. М., 1972.
9. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. – 423 с.
10. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
11. Кунильский, А. Е. «Лик земной и вечная истина»: Монография. Петрозаводск, 2006. 304 с.
12. А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986.
13. От Пушкина до Чехова. Чеховские чтения в Ялте: вып. 10. Симферополь, 2001.
14. Чехов и Толстой. Чеховские чтения в Ялте: вып. 16. Симферополь, 2011.
15. Шалюгин, Г. А. Ялта. В гостях у Чехова. М., 2018. 384 с.
16. Чехов, А. П. Полное собрание соч. и писем: в 30 т. Сочинения./ Антон Чехов. Т. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 13, 14, 15. М., 1986.

~